

...с Сергеем Константиновым («НГ», 15.04.2000) и Инной Вишневской («НГ», 14.04.2000)

Александр Михайлов

3 А ПОСЛЕДНИЕ 10–15 лет, время не всегда продуманной, а чаще вообще бездумной, спровоцированной конъюнктурой ревизии культурного наследия советской эпохи, больше всего досталось Горькому и Маяковскому.

Переоценка культурного наследия советской эпохи носит более нервический, чем аналитический характер. По крайней мере в области литературы. Речь идет о том, что выплескивалось на страницы периодики, ибо итоги академической науки как-то не пересекаются с нею, существуют как вещь в себе. Вакханалия и буйство фантазии, а иногда и просто невежество новых оценщиков литературы прошлого ее как бы не волнуют. Ну что ж: «Где Брут живет, там Цезарь жить не может». Голос бы услышать.

Между тем накопились такие завалы наукообразной лабуды (я даже «феней» подсюсюкнул, чтоб только быть понятней...), которую и расчищать противно. И на этом фоне, конечно, надо было ожидать, что семидесятилетие со дня гибели Маяковского тоже не останется без внимания. Но прежде чем обратиться к статьям Сергея Константинова и Инны Вишневской, просто необходимо хотя бы несколькими штрихами обозначить этот фон.

С началом перестройки и сопутствующей горячей сменой вех в оценке культурного наследия Маяковскому, конечно, припомнили сталинскую оценку, данную поэту, и упоминание имени Сталина в стихотворении «Домой!». «Люмпен-поэт», «глуповатый человек» и пр. про Маяковского — это цветочки. Приведу цитаты, которые прозвучат посылнее. Вначале — именитый поэт: «...футуристы и Маяковской проложили дорогу сталинской диктатуре, поскольку все они, по сути дела, были антигуманистами». С какой милой непосредственностью автор делает открытие — указывает прямой исток явления, которое повергло народ в ад тоталитаризма, обнаруживая при этом еще и гипертрофированное представление о роли поэзии в жизни и истории народа. От других комментариев отказываюсь, приведу цитату неизвестного мне (и возможно, миру) автора, тоже претендующего на открытие: «Попытка саморозрешения (? — А.М.) Маяковского окончилась неудачей. Из чего я делаю этот вывод? Из прически поэта. Открываю энциклопедию... и читаю — пострижение волос — символ отдания в рабство».

Таков фон. И примеров тьма. И все-таки, возвращаясь к сталинской оценке Маяковского, несомненно, нанесшей вред поэту тоталитарным официозом, напрашивается вопрос: а судьи кто?



Футуристы в 1914 году (слева направо): А.Крученых, Д.Бурлюк, В.Маяковский, Б.Лившиц, сзади Н.Бурлюк.

МАЯКОВСКИЙ И ЕГО КРИТИКИ

Почти весь ряд, конечно же, демократический, хотя немалую лепту в поношение Маяковского внесли и патриоты. Но комизм ситуации (или, может быть, трагизм — с какой стороны посмотреть) состоит в том, что, справедливо обвиняя Сталина в директивном тоне оценки — «был и останется лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», — современные оценщики бесовски передирают ее в своих оценках других писателей, далеко превосходя по директивности тон самого диктатора. Примеры настолько показательны, что, сведенные вместе, производят впечатление игры в передразнивание. Посудите сами: «Бродский был последним поэтом русской культуры...»; «Юрий Левитанский был последним поэтом русской классической традиции...»; «Именно Мандельштам закрыл пушкинскую культуру...»; «Булат Окуджава — последний поэт пушкинской поры»; про Липкина: «...не только последний поэт южно-русской школы, но и последний представитель Серебряного века...».

Создается впечатление, что в самое последнее время хаотическая атака на Маяковского, как и вообще на культурное наследие советской эпохи, пошла на спад. Прозвучала трезвая, не банальная фраза про отношение Маяковского к революции: «Он влюбился в замысел». Патристическая критика стала приближать поэта к себе: государственный! Еще бы. Многие ли нынешние могут написать агитку на таком уровне, как «Стихи о советском паспорте»? Но такое приятие, притяжение, пардон, приватизация пока остаются на декларативном уровне.

Забеспокоились новые критики из демократов, убедившись, что заслонить Маяковского другими именами не удастся (до сих пор он самый цитируемый и, значит, читаемый писатель в России, в «Словаре современных цитат» ему принадлежит первое место с большим отрывом от остальных) и тоже стали снисходительнее к поэту.

Репортерская беллетристика вносит вклад в создание, по-теперешнему имиджа, поэта в быто-

вом проявлении. Уж коли он завел роман в Америке, так предметом его увлечения должна быть «ослепительно красивая интеллектуалка» («Труд» 13.04.2000). Это Элли Джонс. Конечно, ее дочь Патриция Томпсон, рожденная от Маяковского, может говорить о том, что ее мать была «самой выдающейся женщиной среди тех, что когда-либо волновали поэта». До чернее чувство любви и обожания может продиктовать что угодно, но откуда репортер узнал про «ослепительную красоту»? Впрочем, если вопрос Элли Джонс Маяковскому: «Скажите, как делают стихи?» — привел его в интеллектуальный восторг, то об остальном как-то неудобно говорить.

Но это так, реплика на свежинку примитивной мифологии.

Сергей Константинов в статье «Отвергнутый футурист» претендует на открытие в бесконечном дискутируемом вопросе о причинах гибели поэта. Главная причина, по его мнению, — «невостребованность творчества Маяковского большевизмом». Не соглашаясь со сталинской оценкой поэта, которую он неточно цитирует, г-н Константинов для начала заявляет, что она «не соответствует действительности», уверяя нас, будто «реальный вес» Маяковского «в литературе и общественной жизни 1917–1930 годов был весьма средним...» Тогда спросим: у кого из поэтов он был выше? Как-то неудобно приводить здесь свидетельства современников об обратном, настолько они хорошо известны.

Автор статьи прав: Сталину «удобнее было популяризировать мертвого Маяковского» ради иных целей в литературе — подчинения ее воле партии. Но он не прав в исходной позиции, сводя суть вопроса к противостоянию большевизма и футуризма. Наметив прикрепив Маяковскому ярлык футуриста, игнорируя его же неоднократные отречения от этого явления, игнорируя опыт позднейшего творчества поэта, г-н Константинов с необъяснимой настойчивостью выставляет Маяковского футуристом до конца дней, ничем это не подтверждая. Футурист — и все. Значит, он вне политики. Поэтому не востребован большевиками. Таким образом, оспаривается мое утверждение: «Маяковский-поэт, увы, неотделим от политики».

Что поконкретнее? Ленин не любил футуристов. Да боже мой! Уж какой антибольшевик Бунин, а не меньше Ленина не любил Маяковского. Троцкий, ценя огромный талант поэта, сетовал на то, что он «не слился» с революцией. Вот тут надо посмотреть, почему это произошло, футуризм ли виноват?

Обращаю внимание на то, что в моем утверждении речь идет именно о поэте Маяковском. Маяковский-человек, гражданин был плохим политиком (как, впрочем, и все люди искусства, прошу прощения у тех, кого это утверждение способно задеть). Поэт же Маяковский был востребован большевиками именно как политический поэт. Его стихи публиковались на первых полосах центральных и периферийных газет. Ради агитпропа он «наступал на горло собственной песне», сам неоднократно декларировал близость к партии большевиков в стихах и высказываниях и в прощальном, предсмертном «Во весь голос» заявил: «Я поднимаю, как большевистский партиялет, все сто томов моих партийных книжек».

Можно ли с этим не считаться? Что было, то было.

Как само собой разумеющееся, г-н Константинов утверждает, что Маяковский «действительно был не только богемным поэтом, но человеком богемы». Какая-то странная обратная зависимость. И я задаю вопрос: какие признаки богемности можно обнаружить в поэмах о Ленине, Октябре, в заграничных циклах, в сатире Маяковского и что тут от футуризма?

Да, Ленин и большевики не позволили футуристам единолично представлять пролетарское искусство и руководить им, но они приветствовали пропагандистскую работу Маяковского в РОСТА, его агитационные стихи. Лозунги Октября отражали романтическое упование поэта на будущее переустройство жизни. Он действительно был влюблен в замысел. Но на основе агитационных стихов стала крепнуть и наполняться социальным содержанием его сатира, которая уже не могла нравиться большевикам. Вот здесь и происходит «неслия-

ние» с революцией, разочарование в ее итогах, в революционной власти. Происходит то, что питает сатиру Маяковского. Вот это, а никакой не футуризм, о котором к тому времени забыли думать, могло послужить и послужило предметом, я бы сказал, пристрастного отношения большевистской власти к Маяковскому. Но это и особая тема. Сохранив в душе идеалы революции, но разочаровавшись в ее итогах, поэт столкнулся с системой, которую он с необычайной язвительностью изобразил в своей сатире.

Мне всегда импонировал острый глаз и хороший вкус Инны Вишневской, но я не могу согласиться с ее интерпретацией «Мистерии-Буфф», мне кажется, она без достаточных оснований приписывает главному герою — Человеку будущего — сатанинское начало. Досадно, что в двух цитатах из трех в одном абзаце допущены ошибки, но позволю себе не согласиться, что на их основании (и содержании всей пьесы) можно трактовать весь Человека будущего как сатанинский. Нигде в поэзии и драматургии Маяковского «Человек просто» (по первой редакции) не лишен его душевных и духовных характеристик. А призыв Человека будущего «взорвать все, что чтили и чтут», относится к «пророкам». Сам Человек будущего растворяется в толпе. А работяги Кузнец и Батрак обнаруживают его в себе. Это люди, призывающие всех к труду («...нечего раздумывать тут: организуемся, товарищи, и берись за труд!» «Наляжем лопатой! Взмахнем киркой!») Это то, к чему призывает Человек будущего. Уважая Инна Люциановна, ну какой же он сатана?

А анархические призывы отражают стихийный революционный порыв Маяковского, с которым он встретил Октябрь. В либретто к «Мистерии-Буфф» он сам сказал, что нечистые «радуется и дивятся... первым чудесам будущего, открывшегося за горами труда», того будущего, к которому и призывал Человек просто.

Не углубив в нем сатаны, я согласен с Инной Вишневской в другом — драматургия Маяковского, как и поэзия, таит в себе возможность новых поисков и открытий.

Александр Алексеевич Михайлов — доктор филологических наук.